

Вопросы

ЛИТЕРАТУРЫ

9

1961

п 34

3542

Вопросы ЛИТЕРАТУРЫ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

год издания

Ежемесячный журнал

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НА ТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Воспитание красотой 3
- Л. ЛАЗАРЕВ. К звездам (Заметки о «молодой прозе») 13
- В. КАРДИН. Сегодня о вчерашнем . . . 37

Обсуждаем вопросы истории советской литературы

- Исследовательскую работу — на новый уровень 58

ДНЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

- Г. АПРЕСЯН. Изучать богатства многонациональной культуры 98

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- А. ШТЕЙН. Мировое значение Островского 109

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

- В. КАТАЕВ. Замысел и время 130
- С. МАРШАК. Поэтическая энциклопедия 139
- К. ЧАПЕК. Заметки о творчестве . . . 156
- В. ГОЛЬДИНЕР, В. ХАЛИЗЕВ. Работа Чехова над рассказом «Невеста» . 167

- ЗИГЗАГИ СТИЛЯ 184

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

- Роза Люксембург об искусстве 186

9

СЕНТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОЖДЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

1961

(См. н/о)

ОТКЛИКИ, РЕПЛИКИ, ЗАМЕТКИ

- А. УШАКОВ. Совместима ли героика с сатирой? 197
А. НАРКЕВИЧ. Жорж Санд перед судом И. Бэлзы 204

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. КОРЗУН. Необходимо научное издание нартского эпоса 207
М. БОГДАНОВА. По поводу письма В. Корзуна 209

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Е. ЛЮБАРЕВА. Поэтический мир Александра Твардовского 212
М. ГИРШМАН. Раздумья над книгой . . . 214
Р. КАРАБАНОВ. Первый украинский словарь литературоведческой терминологии 218
Л. ВАЙНЕР. Книга о вилюйском узнике 222
Л. ОПУЛЬСКАЯ. Последние дни Толстого 224
З. ПЛАВСКИН. Хорошее начало . . . 227
Ю. КАГАРЛИЦКИЙ. Ни научная, ни популярная 231
Б. РЕИЗОВ. Карло Гольдони в мировой литературе 235

Среди журналов и газет 238

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ 240

ХРОНИКА 249

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ ОБ ИСКУССТВЕ

(Из писем Константину Цеткину)

В нашем литературоведении и критике теперь, кажется, достаточно остро осознано, насколько важна для марксистской теории искусства ее история, в частности — наследие замечательных деятелей революционного крыла немецкой социал-демократии Ф. Меринга, К. Цеткин, К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Исторически эстетика немецких левых представляет собою столь же определенный и важный, сколь неизученный этап развития марксистской эстетической мысли. Задача его исследования назрела давным-давно: почти сорок лет назад В. И. Ленин писал о необходимости скорейшего издания полного собрания сочинений Р. Люксембург (см. Сочинения, т. 33, стр. 184).

Правда, разработка наследия вождей немецких левых была задержана после появления письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах истории большевизма».

Критика ошибок Р. Люксембург и ее соратников с ленинских позиций была исторически необходима, но в условиях культа личности акцент, поставленный И. В. Сталиным не на «революционные дела», а на «серьезные ошибки» левых, привел к умалению их подлинной исторической роли. Нельзя поэтому не согласиться с мыслью, высказанной Вальтером Ульбрихтом на 28-м пленуме ЦК СЕПГ: «Изображение роли левых в немецкой социал-демократии, как оно дано в письме товарища Сталина в журнале «Пролетарская революция», требует серьезной научной проверки. Необходимо дать верную оценку роли левых в социал-демократии в соответствии с важными указаниями, которые дает нам Ленин».

Для понимания взглядов Р. Люксембург весьма существенны впервые публикуемые здесь отрывки из писем к младшему сыну Клары Цеткин — Константину, по образованию врачу, работавшему в период, к которому относятся письма (1907—1912), в «Равенстве» («Глейхейт») — газете для женщин, с 1891 по май 1917 года редактировавшейся Klarой Цеткин.

В высшей степени знаменательно письмо Констан. Цеткину, отправленное в начале февраля 1912 года, в котором сообщается о четырех встречах с Лениным.

При всей лаконичности сообщения, оно важно, ибо показывает, что между Лениным и Р. Люксембург даже в период расхождений не было и тени того «антагонизма», на котором с давних пор настаивают последователи Э. Берштейна и К. Каутского, в частности сын последнего — Бенедикт.

В письмах Констан. Цеткину, пожалуй, полнее, чем в письмах иным адресатам, раскрывается удивительная многогранность интересов Р. Люксембург, художническая одаренность ее натуры, весь моральный и интеллектуальный облик «великой коммунистки» (Ленин), сочетавшей в себе мужество воина, глубину ученого и чуткость артиста. Дополняя изданные в начале 20-х годов письма к Софье Либкнехт, Луизе и Карлу Каутскому, а также частично известные советскому читателю письма к Klаре Цеткин и Гансу Дифенбаху, Матильде Вурм и Марте Розенбаум (см. «Новый мир», 1961, № 4), публикуемые отрывки значительно расширяют представление об эстетическом горизонте Р. Люксембург, об ее литературных вкусах, понимании живописи и музыки.

В отзывах о Толстом и Достоевском, Стендале и Гейне, Бахе и Моцарте раскрывается верность Р. Люксембург классическому искусству. В ее отзывах о произведениях польской, немецкой, английской литературы нашли свое выражение глубокий интернационализм, ненависть к любым проявлениям филистерской ограниченности, националистического чванства, декадентской опустошенности.

У советского читателя, несомненно, вызовут глубокий интерес выдержки из писем, посвященные русской культуре. Русское было для Р. Люксембург почти синонимом революционного: «...прилежно изучай русский... вскоре он будет языком жизни», — писала она Констан. Цеткину.

Как убедительно доказывает переписка, Лев Толстой был любимым писателем Р. Люксембург. Понимание внутренней связи «проблемы Толстого» с назревающей революционной ситуацией продиктовало Розе Люксембург замечательные строки в письме от 25 ноября 1910 года: «Замечаешь ли ты настроение в России, ту атмосферу, о которой говорит брожение, вызванное смертью Толстого? Я чувствую в воздухе грозу...»

Публикуемые отрывки не только позволяют проследить, как складывалась у Р. Люксембург оценка, выраженная в трех ее статьях о Толстом, и не только дополняют эти статьи. Мысли о великом писателе, которые мы находим в ее письмах, — редкое по исторической чуткости свидетельство современника, углубляющее известный доньше «фон» ленинских статей о Толстом.

Выдержки из писем публикуются по материалам, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Если на письме нет числа, проставленного Р. Люксембург, в скобках указывается дата, сохранившаяся на почтовом штемпеле, а при отсутствии конверта или штемпеля на нем — установленная на основании различных данных.

I

20.03.07

...По крайней мере одно кажется мне ясным и бесспорным: ты в любом случае прав, взявшись за основательное изучение политической экономии. Кем бы ты ни захотел быть и какое бы ни избрал направление своего духовного развития, политическая экономия остается фундаментом для изучения любой

общественной науки. Столь же важен и русский язык. Я теперь снова получаю из Петербурга две большие политические газеты — кадетский орган и орган демократов; кроме того, сегодня из Петербурга на меня обрушился целый поток новых книг и брошюр, посвященных всем спорным вопросам революции, какие только возможны. Духовная и политическая жизнь там просто клокочет; и вот одновременно с этим — длинный, набранный петитом отчет о заседании в рейхстаге с «большой» речью Бебеля¹ — единственной духовной продукцией немецкой партийной жизни!..

Я едва сумела заставить себя прочесть эту вещь; мне тяжело дышать в этой недвижной духоте...

Немецкая партийная действительность теперь действительно дурной сон или скорее лишенная снов мертвая спячка. Так что прилежно изучай русский... вскоре он будет языком жизни.

II

(Почт. штемпель Шелли-сюр-Кларан. 23 апреля 1908 г.)

...Здесь в отеле живет один русский, неплохо играющий на скрипке. Вначале его игра доставляла мне большое удовольствие, но я опять убедилась, что скрипкой очень скоро пресыщаешься, пожалуй, еще скорее, чем роелем. И она так бедна по сравнению с оркестром!

Лишь Моцарт научил меня, да и других, понимать и любить оркестр, тогда как раньше я была не в состоянии переносить никакую оркестровую музыку — и прежде всего Вагнера. Ты, наверное, уже вертишь носом из-за того, что я умаляю «историческое значение» Вагнера для развития оркестровой музыки, но я еще просто ничего не знаю об этом значении...

III

Среда (12 августа 1908 г.)

...Известно ли тебе, что Толстой написал продолжение своей книги об искусстве и что оно составляет целый томик? Я сейчас читаю его, а потом перешлю тебе. Как всегда, у старика чрезвычайно много парадоксального и реакционное перемешано с очень тонкими и смелыми замечаниями...

IV

Вторник (Фриденау. 3 августа 1908 г., число на штемпеле неразборчиво).

...Заметил ли ты, что Кант понимает под «эстетикой»? Пространственные и временные понятия. Что общего это имеет с обычной эстетикой, не знаю. Читать Канта сейчас я, к сожалению, не могу.

¹ Один из крупнейших деятелей немецкого революционного движения, А. Бебель всегда сохранял верность пролетариату. Однако, не поняв особенностей империалистической эпохи, он в последний период своей жизни иногда склонялся к уступкам реформизму, занимая центристские позиции. Этим и объясняется тон письма Р. Люксембург, страстно отстаивавшей «русские» — революционные — методы борьбы.

V

Суббота 22 (август 1908 г.)

...Сегодня я впервые пошла писать пейзаж. Я отправилась на Шлахтензее, сгорая от нетерпения, но, бог мой, на какие препятствия я натолкнулась! С собою я смогла взять только альбом для эскизов; так что писать предстояло на простой бумаге, причем держа ее на весу — ведь мольберт с собой не потащишь. Итак, в одной руке альбом и палитра, в другой — кисть! Вдобавок мне пришлось работать сидя (на скамье), и потому я не могла отходить назад, чтобы посмотреть, как получается. Мне пришлось также писать на листах крохотного формата, тогда как я испытывала потребность писать большое полотно, ведь иначе работать кистью не имеет смысла. И в довершение всего я смогла писать всего лишь один час, потому что потом явились люди, и я была вынуждена уйти. Этого было вполне достаточно, чтобы привести меня в отчаяние, но вдобавок ко всему прочему и вода и небо каждое мгновение меняли свои оттенки (сегодня весь день собиралась гроза). Я чуть не расплакалась, когда вернулась домой. Но кое-чему я все-таки и в этот раз научилась. И все же у меня нет ни малейшего представления, как я буду преодолевать когда-либо эти внешние препятствия — как тащить с собой мольберт или по крайней мере альбом большего формата?.. Если бы я могла посвятить теперь два года только живописи — это меня поглотило бы целиком! Я не пошла бы на выучку ни к одному художнику и никогда никого ни о чем не спрашивала бы, я училась бы лишь у самой живописи и спрашивала бы лишь тебя. Но все это безумные мечты, я, конечно, не посмею это сделать, потому что в моей жалкой магне не нуждается ни одна собака, а в моих статьях нуждаются люди.

VI

4 среда (август 1909 г.)

...Читаю «Смерть Ивана Ильича» и глубоко потрясена. Это грандиозная вещь...

VII

(Почт. штемпель Фриденау. 18 июня 1910 г.)

...Стендаль — великолепная книга, и уже один его портрет доставил мне массу радости. Сегодня я опять буду читать ее, хотя бы немного...

Вчера я дочитала до конца «Женщину, не стоящую внимания» Уайльда — вечно те же самые типы и те же самые парадоксы об английском обществе nowadays¹, которое он обычно описывает. От этого может затошнить. И с меня довольно. Я радуюсь уже тому, что опять примусь за такого молодчину, как Стендаль.

VIII

Воскресенье (3 июля 1910 г.)

...Вчера и позавчера читала Толстого (Ганнес² подарил мне 4 тома повестей и рассказов в хороших переплетках). Я читала «Казаков» и «Метель», они меня восхитили; «Севастопольские рассказы» оказались мне слабее, и «Утро помещика» мне не понравилось.

¹ Наших дней (англ.).

² Ганнес — Ганс Дифенбах, один из ближайших друзей Р. Люксембург, врач по образованию, прекрасный знаток искусства, иногда выступавший со статьями в социал-демократической прессе. Погиб во время первой мировой войны.

IX

(Почт. штемпель Фриденау. 7 июля 1910 г.)

...Книга о Китае раскроет передо мной нечто совершенно новое, ведь у меня о Китае нет никакого представления. Уже перелистывая ее, я обнаружила то, что меня крайне интересует: М. пишет, что искусство у китайцев является чем-то принципиально иным, чем в Европе; оно не оторвано от жизни, а составляет с нею единое целое. Это полностью подтверждает мне взгляды Толстого и представления об искусстве примитивных народов.

X

(Почт. штемпель Фриденау. 8 июля 1910 г.)

...Твою прекрасную книгу о Китае я читаю каждый вечер, и она доставляет мне много радости. Кроме того, я читаю Толстого.

XI

Понедельник (Почт. штемпель Фриденау. 18 июля 1910 г.)

...Вчера я была на «Мейстерзингерах», дававшихся в хорошем исполнении. Вещь прекрасна, но в ней есть чудовищные длинноты и кое-что от плебейской шумливости Вагнера. Больше всего мне понравился самый текст. Я так давно не слушала никакой музыки, что вечер удивительно освежил меня, хотя к концу я устала смертельно.

XII

Четверг (18 августа 1910 г.)

...Все три первых дня я в Берлине совершенно ничего не делала — все мне было, да и сейчас остается так противно — но я читала «Идиота» Достоевского.

XIII

Пятница (26 августа 1910 г.)

...Я... прихожу к мнению, что только русские имеют роман как художественную форму...

XIV

10.11.10

...Письма Стендаля мне нравятся. Я читаю их с самого начала, с того письма, в котором он — семнадцатилетний — пишет своей четырнадцатилетней сестре. Столь глубокая серьезность и духовная сила меня поразили. Теперь у нас всех наступает зрелость значительно позднее, чем она приходила столетие назад. В чем причина этого?

...Толстой все же настоящий человечище, это бегство восьмидесятилетнего старика от его дрянной семейки изумительно. Как он велик в своем трагическом конце, в своем стремлении куда-то скрыться, пусть не вполне ясно, смут-

ном (Толстой — и в монастырь!). Меня это потрясает, и на этом своем последнем пути он стал мне еще ближе и человечески дороже, чем прежде. Не испугается ли он смерти? Я боюсь этого.

XV

Понедельник (Почт. штемпель 21 ноября 1910 г.)

...После того, как я так долго вела такую неподвижную жизнь и совершенно никуда не выходила, у меня появилась страшная потребность немного встряхнуться, и вчера с Ганнесом, который пришел к обеду, мы отправились на концерт. Как обычно в день поминовения мертвых, давались кантата Баха («Восстаньте», слова Николаи) и «Реквием» Сгамбатти¹. Кантата была прекрасна, не слишком затянута, чиста и свежа по ритмам, особенно дуэт сопрано и баса, начинавшийся словами «Гряди, мое спасение». «Гряди», — призывает женский голос, и бас отвечает ему: «Вот грядет твое спасение».

Дуэт оставляет сильнейшее впечатление, особенно глубоко он трогает, когда скрипка нежно сопровождает колоратурное сопрано, в то время как глухо рокочущий орган, создавая фон, ведет свою мужскую партию. Во втором дуэте у Баха как будто иссякло дыхание, и он обеднел на выдумку, по крайней мере мне так показалось. Конец был снова возвышенный, сильный, простой и радостный — истинный Бах. Сгамбатти я ждала с нетерпением: нравилось мне главным образом самое имя (он ученик Листа и Вагнера). Вещь не так уж плоха, но ей совершенно недостает цельности, она местами пуста и театральна. К концу устаешь и домой не уносишь с собой ничего, кроме тяжести в голове. Я сказала, что нельзя создать настоящий «Реквием», если не веришь в загробный покой. А это теперь почти исключено. Ганнес назвал эту мысль абсурдной и указал мне на Вольфа, который, по мнению Ганнеса, пишет «религиозную музыку», не будучи верующим.

...Переписываю тебе отрывок из «Дон-Жуана», который, может быть, пригодится для «Равенства».

Храни нам, боже, короля! Храни
И королей, а то народ, пожалуй,
Хранить их не захочет в наши дни.
Ведь даже кляча, если досаждала
Ей сбруя и узда, как ни гони,
Брыкаться будет. Да, пора настала,
Народ почуял силу, посему
Быть Иовом не хочется ему.
Он хмурится, бранится, прокликает
И камешки швыряет, как Давид,
В лицо врага — потом топор хватает
И все кругом безжалостно крушит, —
Тогда-то бой великий закипает.

¹ Сгамбатти Джованни (1841—1914) — итальянский композитор, пианист и дирижер.

Хоть мне война, как правило, претит,
Но только революция, наверно,
Избавит старый мир от всякой скверны¹.

XVI

(Между 21 и 24 ноября 1910 г.)

...Я рада, что старец умер, и больше уж ему не причинят никаких страданий². Бесконечно люблю его. Прочел ли ты статью Вольфа в «Берлинер Тагеблатт»? Очень неглупо. А дерьмовый «Форвертс» уделил Толстому в отделе фельетона три строчки, не больше!

У этих «наследников классической немецкой философии» поистине нет ничего общего с культурой!

XVII

(24 ноября 1910 г.)

...Во вторник вечером я должна читать своим ученикам³ доклад о Толстом, после чего состоится «дружеское собеседование».

...В последние дни прочла «Саламбо», причем многое пропуская — книга действует мне на нервы уже одной крикливостью театральных декораций, несколько напоминающих оперу Мейербера своей мишурной роскошью и помпезностью (когда-то я читала «Саламбо» по-французски, и у меня осталось то же самое впечатление). Однако я с интересом прочла предисловие, написанное каким-то кафром, который рассуждает об «африканском характере человека», и в заключение — статья Флобера, написанные в защиту «Саламбо».

XVIII

(25 ноября 1910 г.)

...От твоей матери я получила письмо сегодня, рано утром, и отвечу ей после того, как закончу статью о Толстом⁴.

...Замечаешь ли ты настроение в России, ту атмосферу, о которой говорит брожение, вызванное смертью Толстого? Я чувствую в воздухе грозу...

XIX

(28 ноября 1910 г.)

...Если хочешь, я выпишу тебе для «Равенства» несколько отрывков из Толстого, где речь идет о милитаризме, патриотизме, государстве, церкви, искусстве и т. д. и где Толстой раскрывается как великий критик социальной системы. Очень боюсь, что моя статья тебе не понравится, я знаю сама, что она мне не удалась, писать ее у меня не было ни времени, ни настроения.

¹ Приведенный отрывок — 50-я и 51-я строфы восьмой песни «Дон-Жуана» Байрона. Перевод Т. Гнедич.

² Речь идет о смерти Л. Н. Толстого.

³ Р. Люксембург преподавала политэкономия в Берлинской партийной школе.

⁴ Имеется в виду вторая статья Р. Люксембург о Толстом. О ней же говорится в следующем письме.

XX

(5 декабря 1910 г.)

...Вчера, в воскресенье, была на концерте; бетховенское трио (рояль, скрипка и виолончель) было превосходно. Ганнес все время поражался, почему я так холодна, по крайней мере внешне. Но я заболела от концертного зала и публики, просто не могла все это видеть...

Меня очень радует, что ты слушал молодых швейцарцев. Я тоже встречала у швейцарцев, иногда за самой неприметной наружностью, глубокое понимание классической музыки и большую любовь к ней...

XXI

(После 5 декабря 1910 г.)

...Вчера прочла в школе свой доклад о Толстом; началась дискуссия, и дело затянулось до 12; домой вернулась в час и сегодня чувствую себя разбитой. Вместе со мной там был Ганнес. Сегодня в случайной беседе с Корном¹, который пришел в школу, я спросила, собирается ли он рассказать молодежи что-нибудь о Толстом. «Нет», — ответил он, «юбилейные» статьи и статьи, приуроченные ко всяким «случаям», он не признает. «Но это не «случай», а попросту ваш долг, — сказала я, — разъяснить молодежи произведения Толстого». Он же полагал, что именно этого делать не следует; молодым людям, оказывается, нельзя рекомендовать «Анну Каренину», потому что там «слишком много о любви». А когда я с яростью стукнула кулаком по столу и сказала, что подобные заявления не удивляют меня в устах невежд и поражают в устах людей, считающих себя специалистами по «культуре» и «искусству», он ответил: «Толстой не имеет ничего общего с культурой и искусством». Ну, можно ли было не взорваться? Эта красная деревянная рожа и приземистая фигурка в толстом пальто своей неподвижностью напоминают мне будку уличной уборной. Проклятые невежды — вот кто такие эти «наследники классической философии». Вендель² написал в «Франкфуртер фольксштимме» статью о Толстом, тема которой звучит примерно так: «В юности — девка, в старости — монахиня».

Ах, мне иногда бывает здесь так тяжело на душе; иногда кажется, что лучше всего покинуть Германию. В какой-нибудь сибирской деревне больше человеческого, чем в немецкой социал-демократии...

Ты хоть немного доволен моей статьей? Жаль, я могла бы в ней отлично использовать некоторые мысли, которые я вчера развила в докладе, хотя, конечно, места в статье было для этого маловато.

XXII

(Почт. штемпель Фриденау. 6 марта 1911 г.)

...На этот раз я получила целое море цветов³, но твои — самые лучшие. Из книг я получила «Тилия Уленшпигеля», «Волшебный рог мальчика» и биографию Моцарта, написанную Нолем. Больше всего радует меня Геродот и другие книги, подаренные тобой...

¹ Корн — один из руководителей реформистского союза молодежи.

² Вендель Герман — в то время левый социал-демократ, потом коммунист; впоследствии стал одним из основателей так называемой «коммунистической рабочей партии», возникшей в связи с «детской болезнью левизны» в КПП.

³ 5 марта — день рождения Р. Люксембург.

XXIII

(Почт. штемпель Берлин-Вест. 15 марта 1911 г.)

... Вечером, отдыхая, я читаю нолевскую биографию Моцарта. Она доставляет мне огромное удовольствие. Вся семья Моцарта становится такой близкой...

Если бы мы были знакомы с Моцартом, мы, наверное, полюбили бы его как человека.

XXIV

(Фриденау. 25 мая 1911 г.)

Я надеялась на то, что Неттельбек тебе понравится. От его стихов веет соленым морским ветром, все произведение абсолютно свободно от литературщины и потому так крепко и хорошо написано.

Быть может, ты опубликуешь в «Равенстве» одновременно отрывок из стихотворения о рабах и гейневский «Невольничий корабль». Я уверена, что Гейне написал его под влиянием Неттельбека...

XXV

(1911 г.)

... Вчера и позавчера вечером я читала новый польский роман одного из самых талантливых представителей «молодых». Книга эта является значительным художественным произведением, но она исполнена такой муки и ужаса, что Достоевский по сравнению с нею просто идиллия. Вот уже два дня я как будто раздавлена и все время просыпаюсь ночью от страха. Ну не глупо ли так подчиниться влиянию неодоушевленной вещи?

Для успокоения я сегодня взяла в руки книгу Ноля. Она излучает на меня солнце и радость, смешанные с печалью,— как музыка Моцарта...

XXVI

(Начало февраля 1912 г.)

... В субботу в школе состоялся прощальный вечер. Мне было очень весело, и я вернулась домой только в третьем часу. В праздник слушала «Дон-Жуана», который исполнялся неровно, но к концу все же произвел на меня могучее впечатление. Сегодня я потащусь на «Волшебную флейту», хотя я предполагала выпастись, наконец, как следует, что мне давно уже не удается.

На прошлой неделе у меня было много гостей. Приходил Розенфельд и сидел до половины первого. Госпожа Вурм тоже нанесла мне долгий визит, хотя ее мужа я не слишком жалую. Она же мне очень нравится. Вчера приехал Ленин и был у меня уже четыре раза. Я охотно беседую с ним, он умен и образован, и хотя он далеко не красив, я каждый раз смотрю на него с удовольствием. Вчера получила из Константинополя жизнерадостное письмо, которое прилагаю. Сегодня здесь снова тепло и пахнет липами, все выглядит повесеннему. Бедняжка Мими играет в прятки, она чрезвычайно нравится Ленину, он сказал, что только в Сибири видел таких роскошных кошек и что это «барский кот» — царственный. Мими кокетничала с Лениным, переворачивалась на спинку и заманивала его, но, когда он попытался приблизиться, начала царапаться и зарычала, как тигр.

XXVII

(Почт. штемпель Берлин-Зюденде. 5 марта 1912 г.)

... Я опять прочла два рассказа Толстого: «Идиллию» и «Тихона и Маланью», написаны они в 1862 году. Оба великолепны и немного напоминают «Казак». От них становится на душе так легко и солнечно и тянет к природе.

...К воскресенью прочти Толстого.

XXVIII

(Почт. штемпель Берлин, Зюд-Вест. 6 марта 1912 г.)

... Книжки меня ужасно радуют, в особенности Толстой.

... Вечером я пошла в Малый театр на толстовский спектакль «И свет во тьме светит». Это великолепная вещь, и сыграли ее хорошо. В пьесе показана его собственная судьба. Меня огорчало лишь, что старик вынес на суд этого низкого, по-немецки филистерского сброда свой идейный мир и свою боль. Только несколько юношей фанатически аплодировали. Пьеса действует просто зажигающе, в особенности сцена в военной канцелярии, где новобранец отказывается принести присягу. Я надеюсь, что в апреле пьесу еще будут играть, и если ты будешь здесь, то мы посмотрим ее вместе.

XXIX

(Почт. штемпель Берлин-Зюденде. 18 марта 1912 г.)

... Вчера вечером я пошла в гарнизонную церковь слушать «Страсти по Матфею» Баха. Эта вещь произвела на меня глубокое впечатление, пожалуй, она еще прекраснее, чем месса «h-moll», еще драматичней и суровой. Голоса Христа, Пилата и еще чей-то, кажется ангела (у меня с собой не было программы), все время переплетаются друг с другом и с голосами хора, олицетворяющего народ. Христос, партию которого исполняет тенор, как будто совершенно бесплотен. Он начинает тихо и просто, за ним вступает сильный баритон, потом грубый бас Пилата; хор же, зывая к ним, все время прерывает их пение своими короткими выкриками, а два женских голоса — альт (это был Филипп) и сопрано — звенят высоко под сводами, подобно жаворонкам. Каждое соло сочетается здесь с отдельным инструментом: Христу тихо и глухо аккомпанирует орган, альту — виолончель и т. д. Но самое прекрасное — это хор; он звучит будто крик, будто неистовый страстный вопль, и каждое слово повторяется десятки раз; буквально видишь перед собой размахивающих руками и потрясающих палками евреев с развевающимися бородами, кажется, что это скорее жестикуляция, чем пение, и оно невольно вызывает улыбку. Я никогда не слышала такого великолепного хора. Мне кажется, что здесь впервые показано, каким, собственно, должен быть народный хор. Народ не «поет», он вопит и неистовствует. Оркестр также совершенно не претендует на «красивость». Он звучит просто и мощно...

XXX

(19 марта 1912 г.)

... Читаю «Хаджи-Мурата»; по архитектонике он напоминает немного «Войну и мир», в нем виден талант великого эпика.

XXXI

(Почт. штемпель 26 марта 1912 г.)

...Вечером я читала «Отца Сергия» Толстого. Это просто и прекрасно... Ложась спать, я вдруг вспомнила одно место, где Толстой рассказывает, как Сергий, читая молитву, увидел воробья, который внезапно упал перед ним в траву, потом, громко чирикавая, подскочил к нему, а затем, чего-то вдруг испугавшись, улетел прочь. Этот воробей не имеет ни малейшего отношения к описываемым событиям, в нем нет ничего символического, но именно потому, что этот эпизод совершенно излишен и не мотивирован, он оставляет впечатление абсолютной жизненной правды и поэзии.

XXXII

(Почт. штемпель Берлин-Зюденде. 20 апреля 1912 г.)

... Вчера вечером я слушала «Кавалера роз»¹ и ушла после второго акта... я была просто не в состоянии слушать эту дрянь. Меринг вчера написал мне, что он, вероятно, не останется больше в «Нейе цейт» и что свой отчет Бебело он отдаст в «Бремер бюргерцейтунг». Я тотчас ответила ему, что он не должен бросать «Нейе цейт», ибо нам необходимо удержать это место, и он просто обязан продолжать туда писать то, что считает нужным. Ведь К. Каутский не может править ему редакционные статьи, и потому из-за такой незначительной размолвки с Бебелем, как эта, не стоит освобождать пост, чего К. К. открыто добивается. Было бы важно, чтобы мать также укрепила его в решении не оставлять «Нейе цейт».

В тот же вечер приходил ко мне Ленч², и мы много говорили об этом... Я предложила привлечь сейчас Меринга к сотрудничеству в «Лейпцигер фольксцейтунг», чтобы выразить солидарность с ним. Думаю, что Ленч это делает. Я также пообещала Мерингу написать статью о посмертных произведениях Толстого.

XXXIII

(Почт. штемпель Берлин-Вест. 31 мая 1912 г.)

... Я рада, что ты посмотрел Толстого на сцене. Эпизод в военной канцелярии оставляет огромное впечатление своей голой правдой; даже филистерский сброд был им захвачен; так же подействовал и последний акт, в котором старец хочет покинуть дом.

Публикация, перевод, вступительная статья и примечания М. Кораллова

---

¹ «Кавалер роз» — комическая опера Рихарда Штрауса (1864—1949).

² Ленч Пауль (р. 1873) — левый социал-демократ, редактировал «Лейпцигер фольксцейтунг» — одну из лучших газет партии. Во время войны перешел на шовинистические позиции. Исключен из партии в 1922 году.